

«Леди Макбет Мценского уезда». — Прим. ред.). Это была единственная линия: атака на закономерное развитие той или иной сферы искусства, будь то театр, музыка... МХАТ, например, играл пьесу Анатолия Сурова «Зеленая улица». Она считалась тогда классикой. Этот человек, когда встал за кафедру на сцене ГИТИСа, сказал: «Мне противно ложить свои руки на эту кафедру, где космополиты царили». Все это было по-хамски, унизительно.

На нашем курсе была Маша, которая «разоблачила» Боядзиева. Я потом с ней отдыхала в нашем сочинском «Актёре» (санаторий для театральных деятелей. — Прим. ред.). Ну, нормальная баба, но я ее презирала и не общалась с ней. Тогда все доносили друг на друга. Детей учили доносить на родителей. Павлика Морозова поднимали до невозможных высот. Мы боялись друг друга, даже не знали, как между собой разговаривать. Вот такая была эпоха. Но, с другой стороны, в это же время Маша Валентей, внучка Мейерхольда, сделала могилу на Ваганьковском кладбище, на надгробии которой написала «Всеволод Эмильевич Мейерхольд». Никто ведь не знает, где он на самом деле похоронен. За этот поступок ее, старую (ей тогда было уже за семьдесят лет), таскали в КГБ, допрашивали: какое она имела право так поступить? А она им ответила: «Это мой дед». И все.

Т.Б. В то время все говорили про «врагов народа», но неужели у вас не было ни одного педагога, который бы вам как-то аккуратно про того же Мейерхольда рассказывал?

Л.С. Да что ты, милая! У Шостаковича есть 13-я симфония на стихи Евтушенко, где одна из главных тем — это страх: «Ну а страх говорить с иностранцем? С иностранцем-то что, а с женой?» Все боялись всего. Но были и бесстрашные.

У нас преподавал гениальный Николай Михайлович Тарабукин, автор книги «От мольберта к машине», в которой он разрабатывал идею конструктивизма. Он был настоящим идеологом этого направления. Когда новейшие течения власти во многих вузах начали перекрывать кислород, ГИТИС стал местом, где могли прятаться свободомыслящие. Конечно, это длилось недолго. В каком-то смысле Тарабукин был вынужден у нас преподавать. До ГИТИСа он путешествовал по Крыму, изучал старинные памятники архитектуры, включая церкви, и фотографировал их. На лекциях он рассказывал о своих открытиях и показывал те самые фотографии. Во мне он разбудил стремление к духовному началу в искусстве, в данном случае передаваемому через архитектуру. У нас был однокурсник, фронтовик, служивший в Крыму, потом много лет преподававший в ГИТИСе. Он пошел в деканат и сказал: «А что это нам Тарабукин про церкви лекции читает?» Когда мы в следующий раз встретились с Николаем Михайловичем, у него дергалась щека, и он выпалил: «Вы крабы, вы ничего не понимаете, вы можете только доносить». Так он нас унижал и был прав. Я не знаю, как сейчас учат истории искусств, а он нас учил так: он показывал картину Саврасова «Грачи прилетели» и пейзаж Васильева и говорил: «Вот это литература. Это живопись как начало литературы. Живопись создает образ через краски, через умение воздействовать на эмоции человека при помощи соединения красок...» И поэтому, когда он рассказывал нам про суриковскую «Боярню Морозову», он делал акцент на одежде юродивого, описывая этот серый

• Н.М. Тарабукин

Архив «Российский институт театрального искусства - ГИТИС».

цвет платья, фактуру материала, дырки на нем. Он повторял, что очень важно, чтобы сама материя ощущалась в живописи. Николай Михайлович всегда говорил, что каждая картина — замершая сцена спектакля. Если режиссер является художником, он не может ограничить свое мышление рамкой. И приводил пример картины «Боярыня Морозова», где изображена толпа, которая по замыслу художника явно уходит за пределы холста. Вместе с нами на курсы Тарабукина ходили и режиссеры, поэтому занятия были очень трепетными: режиссеры возбуждались, а он умел так преподнести информацию, что все начинали подключаться к материалу.

Константин Локс читал нам зарубежную литературу. Сгорбленный человек с необыкновенно красивым лицом. Если чуть-чуть пофантазировать и представить его распрямившимся, то станет понятно, какой он был красавец. Локс приходил на лекции, плюхал свой поношенный портфель на стол, вынимал какую-нибудь книгу и начинал читать. Читает и похихикает. Но в общем, он нас презирал. И было за что: среди нас и правда были люди, готовые доносить... Мы все жили в действительности, в которой советский человек был самым лучшим, но враги народа тоже якобы были среди нас. Вот как от этого освободиться? Только позднее ты начинаешь что-то понимать, но пробуждение приходит к каждому по-своему.

Я была последней аспиранткой Стефана Стефановича Мокульского, и поэтому он очень меня любил. Но дело даже не в том, что я была последней. Он как-то пришел домой и сказал жене: «Наденька, неужели еще могут быть такие откровенные души? У меня такая Солнцева появилась, знаешь, она так разговаривает, что я боюсь, что кто-нибудь на нас донесет!» А я даже

не понимала, что я так разговариваю. Люди могли подумать, что я провокатор или кагэбэшник, которому дали право провоцировать других. Власта Смолакова (*чешский театрoved. — Прим. ред.*) стажировалась у нас, знала очень хорошо русский и советский театр. Она мне рассказала случай, который произошел, когда их театральная группа выехала в Америку. У нее с одной театроведкой зашел разговор обо мне, и та сказала: «Она же стукачка». Власта ответила: «Какая же стукачка, когда ее восемь лет никуда не выпускают, потому что она не согласна с вводом войск в Чехию»¹. А та сказала: «Ее непускают, чтобы все верили, что она не стукачка». Оказалось, что в Институте искусствознания один человек решил заниматься Чехией. Объявил себя специалистом. Ему было необходимо меня нивелировать, ликвидировать. Приехав в Чехию, он распустил слух о том, что я стукачка. Правда, ему никто не поверил, кроме этой женщины, она плохо меня знала. Остальные просто отмахнулись, и все. Вот как люди действовали.

1 «Лариса Павловна принимала участие в конгрессе Международного института театра в сентябре 1973 года — в период разгула режима "нормализации": ее пражские друзья (несогласные с оккупацией в августе 1968 года: режиссеры Отмар Крейча и Лубош Писториус, завлит Карел Краус и другие) были к тому времени уже лишены возможности работать по профессии в театре и вообще должны были быть забыты. Лариса Павловна с ними все равно дружила. Встречалась с ними и не скрывала этого, о чем чешские "нормализаторы" доложили советским властям, и те на основании этого письменного доноса вынуждены были закрыть ей въезд в Чехию. Этот восьмилетний запрет она в результате преодолела при помощи пражских друзей: стала приезжать по их приглашению как частное лицо, хотя вкалывала по полной программе», — комментарий Власти Смолаковой.